

Предисловие

10 октября 2018 года Россия отметила 100-летие свердловской реформы русского правописания, тараном красного террора пробившей брешь в нормах русского языка. Брешь, в которую хлынули мутные потоки нововведений и иноязычных заимствований, 10 лет засорявших и размывавших наш язык, утопивших русское словообразование, и забурливших с новой силой после 1991 года.

Значение этой реформы сильно недооценено большинством людей, которые ничего не знают о языковой политике, о её влиянии на нашу жизнь – на идеологию, экономику и науку, на наш достаток. Подумаешь, дескать, «бес-» вместо «без-», «они» вместо «оне», «и» вместо «і».

Отвечу словами известнейшего исследователя русского словозаимствования Л.П.Крысина из его книги «Русское слово, своё и чужое»:

«Чем сложнее и глубже культура данного общества, тем более развит и многогранен его литературный язык и тем медленнее темпы его изменения. Это и понятно: чем больше культурных ценностей накоплено на языке, тем сильнее действует тенденция сохранить эти ценности для последующих поколений.

На страже целостности и общепонятности литературного языка стоит норма». С.593

«Устойчивость языка – одно из очень важных его достоинств, обеспечивающее взаимопонимание людей разных поколений, преемственность национальной культуры». С.572

Огромное значение сохранности языка осознано и оценено в большинстве стран – кроме, увы, России. Не случайно два премьер-министра Франции издавали свои постановления о формах женского рода названий профессий. Не случайно сложное и нелогичное написание множества звуков сохранено в других языках – греческом, английском, французском – но в 1918 году изменено в русском.

Россия состоит из трёх частей, необходимых для её существования: русская земля, русский народ и русский язык. Из этих трёх частей самой уязвимой является, бесспорно, язык. Ведь если даже сократить территорию нашей страны до одной лишь Рязанской области, а население – до полутора миллионов человек, то Россия не перестанет быть Россией. Но если в русском языке оставить лишь десятую долю русских слов, то русским языком он быть перестанет. А страна, говорящая на нерусском языке, Россией уже не будет.

Кроме того язык особо уязвим из-за непонимания народом его значения. Если враг захватывает русские земли и убивает русских людей – народ готов взяться за оружие и защитить Родину. Но сейчас на наших глазах враг громит русский язык, убивает русские слова, отбирает у языка целые области – как, например, компьютерную терминологию – и народ преспокойно взирает на это, как будто у него ничего не отбирают.

Реформа от 10.10.1918 столь же важна для России, сколь и злободневна. Она, как и в целом языковая политика большевиков первых лет советской власти, не получила своевременного и должного осуждения, что позволило возобновить её с новой силой и новыми возможностями СМИ и интернета в 1991 году. Увы, эта политика разрушения русского языка продолжается и развивается поныне.

Языковая политика в части корпуса языка (ЯПК) – это целенаправленное воздействие на язык, на его нормы и словарный состав. Большевики правильно понимали значение ЯПК и умело пользовались ею для достижения своих целей.

Свердловская реформа правописания является первым, наиболее значимым и ярким, но не единственным проявлением ЯПК большевиков. Реформа положила начало и указала направления ЯПК, проводимой революционерами в первые годы советской власти – с 1918 по 1928 годы, и продолженной с 1991 года новыми либеральными реформаторами России. Сейчас Россия проводит ЯПК именно в этих троцкистских направлениях: смелое разрушение норм языка, вымывание женского рода и склоняемости существительных и прилагательных, замена русских слов иноязычными. Даже перевод русского письма на латиницу, сто лет назад не состоявшийся, вновь начал «просачиваться» теперь, в 2010-е.

«Троцкистской» я назвал эту политику не случайно. Она началась с получения Свердловым, после покушения на Ленина 30.08.1918, верховной власти в России, и закончилась после высылки Троцкого.

Бросим же беглый взгляд на главные направления этой политики, а затем пристальнее рассмотрим собственно реформу от 10.10.1918.

Замена русских слов заимствованными

Многие считают, что заимствование русским языком иноязычных слов происходило всегда. Но они просто путают количественный анализ с качественным.

До 1920-х годов заимствование было на два порядка медленнее, чем при большевиках и на три порядка медленнее, чем теперь, и к тому же не исключало русское словообразование и не изживало из языка родные слова. Поэтому смело можно утверждать, что до 1917-го года словозаимствования русским языком не было.

Есть ли потери у армии в мирное время? Конечно. Никакие учения не обходятся без несчастных случаев. Но военные потери совершенно несопоставимы с потерями армии на учениях, поэтому мы и считаем, что в мирное время армия потерь не несёт.

Точно так же и словозаимствование. До 1917 года оно было – как армейские потери в мирное время, а с 1917 года – как в военное время. Сейчас же потери русского языка сравнимы с потерями Советского Союза в Великой Отечественной войне.

Вернёмся к Крысину – о роли революции в словозаимствовании:

«На повсеместное распространение после революции иноязычной лексики, ранее специально или профессионально ограниченной в употреблении, указывали АП Баранников 1919, АМ Селищев 1928, А.Мазон 1920, Р.Шор 1929, А.Меромский 1930, Шпильрейн 1928 и др.» С.80

«Революция частью вводит заново, частью воскрешает и популяризирует множество иностранных слов, существенно изменяя их значение... Характерно при этом дублирование уже существующих в языке слов (брутальный вместо грубый, дискуссия вместо обсуждение, ультра вместо крайне) Шор Р.О Язык и общество М.:1926: 111» С86

«Во второй половине 1910-х – начале 1920-х гг. происходит освоение старых иноязычных заимствований народными массами... расширился и состав слов, осваиваемых широкими массами.» С.78

«Как это: демократия – да империалистическую войну? Матросы ведь тогда (летом 1917) ещё не знали «иностраных слов». (П.Е.Дыбенко. Мятёжники. М.: 1923) С79

Слово «импорт» впервые употреблено в печати в 1922 году, а в 1923 году уже полностью заменило слово «ввоз», использовавшееся ранее. «...усилить вывоз, который для Австрии выражается главным образом в дровах, магнезите и железной руде» (Правда. 1921. 21 янв.), и «...наш экспорт составляет...» (Вечерняя Москва. 1924. 17 ноя.) С89

Суффикс -ирова – вошёл в русский язык из специальной терминологии также в начале 1920-х:

«Для русского словообразования нехарактерно производство глаголов на -ировать». С84

Многие лингвисты считают, что этот нелепый суффикс попал в русский язык не из немецкого языка, а из идиша. Потому что влияние немецкого языка на русский в период 1918–1928 было слабым.

Итог большевистского «ликбеза» – обеднение, загрязнение и упрощение русского языка.

Согласно исследованию Крысина, в 1950-е годы словарный запас крестьянки из Новгородской области был в 2,5 раза богаче лексикона образованного городского интеллигента. Для примера, Кры-

син приводит ныне утраченные русским языком слова, обозначающие метель или её разновидности: «БУтора, кутиха, кутель, кутерня, кутЕрька, хутрА, хургА, кУжыль, кУжелица, фиЮз, рЯнда, зави-рУха, путерьГА, пУтень, пургАн, сипУга, пульГА, нЕпогодь, курА, кУрево, курГА, закурУха». С.574

Идейный смысл вливания в язык чуждых ему заимствованных слов ясен: это отрыв народа от культурного достояния и обычаев предков, обеднение культуры народа, разрыв или ослабление связи поколений. Это поощрение ранее порицавшихся явлений путём придания благозвучности их названиям, например: «экспроприация» вместо «отъём», «суицид» вместо «самоубийство», «коррупция» вместо «казнокрадство» и т.д.

Вымывание женского рода

Названия профессий, титулов, званий, до революции всегда имели в русском языке формы как мужского, так и женского рода: царь – царица, князь – княгиня, купец – купчиха, повар – повариха и т.д. Но после революции начинается: «мама – повар, что ж такого?» При царях были акушеры и акушерки, но «милиционерок» при советской власти уже не стало. «Гимназистки румяные» известны всем, но при демократии ни «логистки» ни «программистки» уже не существуют.

Большевики вымывали женский род из языка с целью «посадить женщину за трактор», оторвав её от воспитания детей – ведь ничему хорошему (для новой власти) матери детей научить не могли. С какой целью женский род вымывается теперь – предмет отдельного обсуждения (*ссылка на статью «Сила слова в числовом выражении»*). Французские политики уже несколько десятилетий ведут борьбу за женский род в своём языке, в России же в последние 20 лет названия профессий женского рода из употребления выведены. Во Франции суммарный коэффициент рождаемости равен 2.0 (детей на женщину), а «учительница», как показывает статистика, рождает на 15% больше детей, чем женщина – «учитель». Языковая политика правительства Медведева направлена на снижение русской рождаемости – ведь сила слова воздействует только на тех, кому это слово – родное.

А началась борьба против женского рода как раз с Новых правил правописания, введённых в действие Декретом Совнаркома от 10.10.1918. Целых 3 пункта Правил из 11 посвящены отмене форм женского рода:

7. Писать в именительном и винительном падеже женского и среднего рода множественного числа прилагательных, причастий и местоимений – **ИЕ, ИЕ**, вместо **ИЯ, ИЯ**.

8. Писать **ОНИ** – вместо **ОНЪ** в именительном падеже множественного числа женского рода.

9. Писать в женском роде – **ОДНИ, ОДНИХ, ОДНИМИ** вместо **ОДНЪ, ОДНЪХ, ОДНЪМИ**.

На наших глазах дело смутьянов 20-го века успешно развивается в веке 21-м. Если в 1990-е из русского языка стали пропадать женские формы названий профессий, то 2010-е женский род потеряли и другие существительные, применяемые к женщинам: «победитель Петрова», «участник Маша», «продолжатель дел Петра Екатерина». И, конечно, вместе со своими прилагательными: «первый победитель Петрова», «новый участник Маша», «славный продолжатель Екатерина».

Падежи – долой!

Изменение ещё одного коренного правила русского языка – склонения существительных и прилагательных – начато большевиками и обрело второе рождение сейчас, при единороссах.

Читаем Крысина: «матросы моются из шланг морской водой», «из рваных шланг» (1926 г.) С. 89

Тогда усилия властей не увенчались успехом, сила народного сопротивления упорно отвергала даже несклоняемость слова «пальто». Ещё в 1980-е годы русские люди упорно склоняли это «весьма неудобное для нас название верхнего платья»: «без пальт», «в пальтах», «в пальте». Кстати, на родине это слово вышло из употребления более ста лет назад. Современные французы его не слышали и не поймут. Не за то ли слово «пальто» отстаивали в одном лишь только русском языке, что оно почему-то не склонялось?

Теперь вымывание склоняемости существительных идёт двумя путями, причём оба пути связаны с англоизацией русского языка.

Первый путь – отмена принятого ранее правила добавления к заимствованному слову русского окончания. В итоге, одно и то же слово теперь в русском языке может быть как существительным, так и прилагательным, и наречием. Например, «онлайн». Согласитесь, не было «телефон бронирования», мы говорили «телефонное бронирование». Но «онлайн бронирование» уже считается нормой для большинства людей – кроме, разве что, профессоров филологии. А вот это же слово становится наречием: «бронируйте онлайн!». Слово «интернет» – существительное, но вместе с тем и прилагательное: «интернет продажи», «интернет банкинг» и т.д. До 21-го века в русском языке такое было немислимо даже для иноязычных слов, не было ни «телеграф сообщения», ни «автомобиль перевозки», ни «автобус остановки».

Сочающаяся латиница

Второй путь вымывания склоняемости русских слов связан с просачиванием в русский язык написания слов латиницей. Ещё в конце 20-го века все иноязычные слова и аббревиатуры, включая имена собственные, писались только кириллицей: НАТО, Кока-Кола, Форд. В 21-м же веке всё больше слов, причём не только имён собственных, пишут латиницей. И, конечно, не склоняют их: «*новое предложение от Honda*», «*у нового Forester есть опция Bluetooth CarPlay*», «*E-commerce для Вашей компании*».

Ожидаю возражение, что написание латиницей проникает в наш язык естественно, поскольку иначе и не написать. Человек в одиночку не может ввести новый термин в употребление – люди не поймут. А чтобы поняли, нужно писать по-английски. Тогда в случае непонимания можно в интернете посмотреть, о чём речь.

Но если цветок в горшке не поливать, он засохнет естественно. Если пшеницу высыпать на землю, она тоже сгниёт сама собой, нарочно гноить её не нужно. Так же и язык. Если в других странах есть государственные органы словообразования и терминообразования, есть органы согласования новых слов с их синонимами в родственных языках, то в языках этих стран есть и новые слова на родных корнесловах, и свои общепонятные термины. Мы же унаследованную от отца пшеницу высыпали на землю, она естественно гниёт, а мы покупаем пшеницу у соседа, который хранит её в сухом амбаре.

Большевистская ЯПК продлилась около 10 лет- с 1918 по 1928. После высылки Троцкого не только прекратилось размывание русского языка, но и напротив, началось его развитие. Возвращаясь к Крысину, приведём несколько его примеров замены заимствованных слов на русские: просперити – благоденствие, процветание; бульдозер – отвал; грейдер – струг; тайм – половина игры, корнер – угловой, голкипер – вратарь, хавбек – полузащитник, офсайд – вне игры, репортаж – рассказ, матч – встреча, лозунг – призыв, и т.д.

Сейчас гноение русского языка длится уже 25 лет, и со временем только ускоряется.

При нынешней скорости размывания, думаю, русскому языку осталось жить лет сто, не больше.

Мы видим, что партия Единая Россия не только продолжает, но и успешно развивает свердловско-троцкистскую языковую политику большевиков конца 1910-х – начала 1920-х годов.

Русский язык страдает, увядает, и с мольбой взывает о новой «высылке Троцкого».

Вернёмся к истокам этой языковой политики. Первые словозаимствования, согласно Крысину, русский язык начал делать в ходе смуты 1905–1907 годов. Некоторые иноязычные слова внедрялись в русский язык через листовки, газеты и литературу смутьянов.

Но главный удар по русскому языку был нанесён, бесспорно, реформой правописания от 10 октября 1918 года. Поэтому о ней поговорим подробно.

Лишние буквы

Первые пункты «Новых правил правописания, разработанных народным комиссариатом просвещения», гласят:

1. Исключить букву «Ѣ», с последовательной заменой ее через Е.
2. Исключить букву «Ѡ», с заменой ее через Ф.

3. Исключить букву Ъ в конце слов и частей сложных слов, но сохранить ее в середине слов, в значении отделительного знака.

4. Исключить букву І, с заменой ее через И.

Возникает вопрос, почему в других европейских языках не отменили лишние буквы? Рено и Пежо – почему до сих пор «Renault» и «Peugeot», а не «Reno» и «Pejo»? Почему у греков остались по несколько букв на одни и те же звуки? Почему немцы пишут звук «ш» то «s», как например «Spree»- река Шпрее, то «sch» как «Schwab»- шваб? Про ужасы английского правописания вообще анекдоты слагают. Казалось бы, вполне могли бы они поручить финну или эстонцу, языки которых имеют простое и ясное правописание, реформировать свои языки, чтобы английский читался *isi* – то есть легко. Но нет. Почему?

Потому что культуры этих народов древни и богаты, потому что народы дорожат достояниями своих культур и заботятся о передаче культуры предков следующим поколениям.

Большевики-реформаторы, Свердлов и иже с ним, отдалили русское письмо от произведений старины и приблизили русское письмо к финскому и эстонскому уровню. К написанию простому, понятному... Нет, не всегда понятному. Например, «Война и мир» или «Война и *mir*» – до сих пор спорят, значения ведь этих слов разные.

Бес в язык

Пункт 5 «Новых правил правописания», введенных Декретом Совнаркома 10 октября 1918 года – о замене З на С в приставках перед глухими согласными – должен быть отменён.

Во-первых, изначально заявленной цели реформы – упрощению русского правописания – он противоречит. Замена З на С не упростила, а усложнила русское правописание, став исключением из общего правила написания слов согласно их смыслу и вопреки их звучанию. Судите сами.

В корнях З не меняется на С перед глухими согласными, как и другие согласные не согласовываются по звонкости со следующей буквой: *узкий, близко, обрезка, зубрёжка, ножка*.

В конце слов, где согласные звучат глухо, З не меняется на С, как и другие звонкие согласные не меняются на глухие: *заказ, обрез, ликбез, чертёж*.

В приставках ни одна звонкая согласная кроме З не согласуется по звонкости с последующими буквами: *вход, обтесать, подкинуть*. Мы не пишем *фход, оптесать, поткинуть*.

В приставках глухие согласные не меняются на звонкие перед звонкими согласными, включая С на З: *сделать, сбавить, отдать*. Мы не пишем *зделать, збавить, оддать*.

Написание согласных по их произношению не соответствует обычаю русского языка. Во многих словах мы читаем буквы не так, как они написаны: *корова, молоко, ошибка, петух*.

В славянских языках, кроме великорусского и белорусского, З не меняется на С в приставках перед глухими согласными.

Таким образом, никакого орфографического смысла пункт 5 Новых правил, от 10.10.1918, не имеет.

Реформа коснулась только одной буквы, только в приставках и только в русском и белорусском языках – значит, правописание тут «притянута за уши» для сокрытия **истинной цели** изменения написания приставок – **создать приставку бес-**.

«Бес» является корнем слова и вызывает в сознании образ беса, который сочетается во многих словах с положительными образами: «бес славный», «бес сердечный», «бес сильный» и т.д., что не может быть истолковано иначе, чем прославление беса.

Легко можно понять большевиков, учитывая их цели и задачи в 1918 году. Но сегодня цели смутьянов чужды и вредны нам, и пора прекратить это **бесобразие**.

Во-вторых, поскольку вначале было слово, то для изгнания нежелательных явлений из нашего общества и начинать нужно со слова. Изгоним бесов из языка – даст Бог, и с бесами в нравственности народа справимся. С казнокрадством и взяточничеством, с чужебесием и стяжательством, с равнодушием и сребролюбием, с наркоманией и пьянством, с абортами и самоубийствами. Трагедия в Кемерове вновь подчеркнула злободневность проблемы нравственности народа.

В-третьих, приставка *бес-* может препятствовать интеграции евразийского пространства, вызывая неприязнь к русскому языку и к русскому народу у остальных славянских народов, в языках которых приставки *бес-* нет.

В-четвёртых, ссылки на авторитет участников Орфографической комиссии – академиков Ф.Ф. Фортунатова и А.А. Шахматова – безосновательны, поскольку Фортунатов не дожил до внедрения бесов в язык, а Шахматов впоследствии раскаялся в содеянном при его участии коверкании русского языка: «... в том, что происходит, отчасти и мы виноваты. Заседание, в котором мы приняли новую орфографию, было по настроению большевицким... Мы тоже разрушители».

Противники бесов в языке, напротив, со всем основанием могут сослаться на критику большевистского правописания И.А. Буниным, И.А. Ильиным и многими другими известными русскими мыслителями. Подчеркну, все они называли реформу правописания именно большевистской.

И наконец, в-пятых, сопоставление даты внедрения *бес-*ов в русский язык с другими событиями довершает картину самыми яркими и густыми красками.

30 августа – покушение на председателя Совнаркома (премьер-министра) Ленина и убийство главы Петроградского ЧК Урицкого. Глава государства, председатель ВЦИК **Яков Свердлов**, до того деливший власть с Лениным, **становится единоличным повелителем России, «Красным царём».**

Я.М.Свердлов и М.С.Урицкий

Партией, по всей видимости, также руководил Свердлов. Так, с 26 августа 1918 года, то есть ещё за 4 дня до покушения на Ленина, он начинает подписывать исходящие от ЦК документы «Председатель ЦК РКП Я. Свердлов». До этого подписывал он же, но «секретарь ЦК РКП(б)», или его жена- «за секретаря».

2 сентября Яков Свердлов в обращении ВЦИК объявляет красный террор. 3 сентября в Петрограде ЧК расстреливает 512 заложников. Затем волна расстрелов прокатывается по всей стране. Однако размах террора не устраивает его главарей. Вожди революции последовательно в течение сентября, октября и ноября 1918 г. призывают отбросить жалость и усилить террор.

На фоне усилий большевиков по ожесточению террористов, по устранению жалости и милосердия и по разжиганию красного террора – и выходит второй, окончательный декрет о правописании.

Большевикам нужна была пляска бесов по всей России – нашей матушке. Кровь и ужас, разгул самосудов, массовые грабежи, насилия, пытки и жестокие убийства – вот цель замены приставки *без-* на *бес-*.

Некоторые люди утверждают, что реформа правописания была не большевистской, а начата была ещё Временным правительством. Но я возражаю.

Само название Новых правил говорит, что составлены они не министерством, а народным комиссариатом просвещения.

Распоряжение попечителям округов об изменении обучения в младших классах – не реформа правописания, а лишь робкая попытка выявить реакцию общественности с целью принятия дальнейших решений. Ни печать, ни делопроизводство на новое правописание переводить не предписывалось, даже официальная правительственная газета «Вѣстник Временнаго правительства», как и «Журнал министерства народнаго просвѣщенія», выходили вплоть до 24 октября в старом правописании. Но даже и эта малая мера не была выполнена, встретив возражения учебных заведений и общественности.

23 декабря 1917 года Наркомпрос РСФСР издал Декрет «О введении нового правописания», который уже можно назвать реформой русского языка, поскольку он предписывал:

«Все правительственные и государственные издания, периодические (газеты, журналы) и не периодические (книги, труды, сборники и т. д.), должны печататься согласно новому правописанию с 1 Января 1918 года.»

Но и этот Декрет не был исполнен. Поэтому 10 октября 1918 вышел повторный Декрет с тем же названием «О введении новой орфографии», но изданный уже более высоким органом власти – Совнаркомом:

« I. Все правительственные издания, периодические (газеты и журналы) и непериодические (научные труды, сборники и т.п.), все документы и бумаги должны с 15-го октября 1918 г. печататься согласно при сем прилагаемому новому правописанию.»

Декрет Совнаркома от 10 октября 1918 также вызвал протесты и сопротивление общества, отвергавшего новое правописание. Пришлось большевикам силой изымать из типографий, в том числе церковных, отменённые буквы. Вместо изъятых Ъ долгие годы использовали апостроф: «под'ём».

Бес-ы были внедрены в русский язык только террором

Идеологом и практическим осуществителем большевистской языковой реформы был Яков Свердлов. Он руководил на 10 октября 1918 года и партией большевиков, и государством. Поэтому о нём подробнее.

Треугольник братьев Свердловых показывает сущность русской трагедии 1917 года: один брат, Вениамин – банкир в Нью-Йорке; другой брат, Яков – у красных; третий, Зиновий – у белых, представитель Франции при Колчаке. Примечательно, что белый террор был только у Колчака, у других белых вождей не было террора. Выходит, где братья Свердловы – там террор.

Из семьи Свердловых известен ещё один выходец – Генрих Ягода. Он рос в доме Свердловых и породнился с ними, женившись на племяннице Якова Иде Авербах. Имя Ягоды также связано с большим террором в России.

Нынешняя власть твёрдо отстаивает имя Свердлова на картах России. На все прошения о переименовании улиц и набережных, о возвращении на карты прежних названий, получены отказы. Так же твёрдо отстаивается правительством России, отвечающим согласно 53-ФЗ за русский язык, и свердловская приставка *бес-*.

Сто лет назад большевики победили. Ценой огромной крови, путём всех ужасов неистовства им удалось внедрить приставку *бес-* в наш русский язык. Дореформенное правописание было приравнено ими к контрреволюционной деятельности и каралось со всей незаконностью и жестокостью красного террора.

Теперь страшные кары того жестокого времени ослушникам не грозят. От правительства заботы о русском языке не дожидаться.

Призываю всех неравнодушных к России и к родному языку людей писать с 10.10.2018 без замены З на С в приставках, без *бес-ов*!